

УДК 316.2 + 316.422

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О РАЗВИТИИ

Кутуев П.В.

доктор социологических наук, профессор

Герчановский Д.Л.

магистрант факультета социологии и права

Национальный технический университет Украины «Киевский Политехнический Институт»

Статья рассматривает аспекты становления характерной для современного неоллиберализма категории развития как «свободы-невмешательства» в рамках английской социологической утилитаристской парадигмы.

The article examines the rise of peculiar for modern neoliberal theory categories of development such as "freedom-and-non-interference" within the framework of the English sociological utilitarian paradigm.

Стаття розглядає аспекти становлення характерної для сучасного неолібералізму категорії розвитку як «свободи-невтручання» в межах англійської соціологічної утилітарної парадигми.

Ключевые слова: развитие, модернизация, социология развития и модернизации, либерализм, неоллиберализм, laissez-faire, английский утилитаризм.

Ключові слова: розвиток, модернізація, соціологія розвитку і модернізації, лібералізм, неолібералізм, laissez-faire, англійський утилітаризм.

В современном мире неоллиберализм достиг статуса гегемонистической идеологии, как в сфере политической практики, так и дискурса о развитии и модернизации. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований, которые посвящены генезису неоллиберализму, его связи с глобализацией и его влиянию на социально-политические практики как в развитых капиталистических обществах, так и развивающихся странах и социумах, выведших из лагеря ленинизма, в социологической литературе отсутствует систематическая экспликация идейных истоков неоллиберализма. Критики неоллиберальной парадигмы обычно понимает под ним увеличение контроля капитала (как национального, так и интернационального) над трудящимися в процессе формирования с помощью ряда международных учреждений определенной политики, которая в конечном итоге служит интересам гегемона, обычно под ним имеется в виду США. С другой стороны, сторонники свободного рынка утверждают, что переход к политике неоллиберализма просто отражает растущее признание эффективности саморегуляции рынка во всех сферах общественной жизни, в том числе признание преимущества рыночных императивов над социальными. Другие же исследователи рассматривают веру в силу рынка как социальный конструкт, который эффективно поддерживается всемирными организациями (например, МВФ, Всемирный банк). [5, 20-21], [11, 534-536].

Иначе говоря, неоллиберализм – форма идеологии, которая сегодня фактически сняла остроту противоречий между консерватизмом и социал-демократией, превращая эти движения из самостоятельных мировоззрений на две очень схожие формы одного того же мировоззрения. Суть неоллиберализма заключается в десоциализации общественного производства при одновременном примате рыночных императивов над общественными. Как следствие, формируется более атомизированная и приватизированная система, необходимым компонентом которой становится переход от государства всеобщего благосостояния (welfare state) к государству всеобщего труда (workfare state). Это приводит к упадку кейнсианского национального государства всеобщего благосостояния, каковое заменяется шумпетерианским постнациональным режимом труда. Под режимом труда имеется в виду отказ от кейнсианской политики полной занятости в пользу подчинения социальной политики требованиям гибкости рынка рабочей силы и системной конкурентоспособности.

Сокращение бюджетных расходов на образование, здравоохранение и социальное обеспечение легитимируется с помощью нового определения гражданина, который рассматривается не столько как участник республиканской публичной сферы, сколько как потребитель и/или инвестор, действующий в рамках рынка. Объективными факторами большого влияния идеологии неоллиберализма в политических кругах стали усиление конкуренции на мировом уровне и обострение борьбы за инвестиции. Мобильный транснациональный капитал постоянно оказывает давление на национальные государства, имея целью дерегулирование их экономик, снижения налогов и предоставления льгот корпоративным деятелям.

В плоскости неоллиберального мышления государство дискредитируется и воспринимается не как средство решения проблемы, а как составляющая проблемы. Соответственно, утопическая

вера в рынок остается привлекательной основой для оптимистичной политической риторики. Неолиберальные политические рецепты сохраняют легитимность и харизму, не смотря на очевидность проблем, порождаемых жестким соблюдением прорыночной ортодоксии.

Социологическая наука с момента своего зарождения уделяла большое внимание аспекту развития общества. Изобретатель самого термина «социология», О. Конт использовал для рассмотрения общественного движения концепцию социальной динамики. Другой ранний теоретик социологии, заложивший основу ее институционализации как науки, Э. Дюркгейм, рассматривал социологию как сравнительную дисциплину, которая анализирует социальные изменения. Свое видение изменяющегося общества и вектора таких изменений представили А. Смит, К. Маркс, Г. Спенсер. Одну из наиболее совершенных представлений о развитии как о рационализации общественной жизни представил М. Вебер. На протяжении XX века свой важный вклад в разработку проблемы внесли Т. Парсонс, П. Сорокин, Ч. Тилли, Т. Скочпол, П. Эванс, И. Валлерстайн, А. Г. Франк. К современным исследователям неолиберализма относят И. Валлерстайна, Г. Дерлугьяна, Б. Кагарлицкого, А. Малюка, Б. Джесопа [2], [6, 5-8], [8], [13].

При всем богатстве политических сил, что действуют на мировой арене, все они вне зависимости от деклараций – зачастую противоположного характера - *de facto* предлагают именно неолиберальный путь развития (так, британский ученый К.Хей демонстрирует, как под видом модернизации, лейбористы осуществили конвергенцию с консерваторами на основе неолиберальных принципов) [12].

Концепция развития в рамках неолиберализма редуцируется к экономическому развитию, а последнее – к дерегуляции рынков, преимущественно финансовых рынков, при одновременном ужесточении репрессивного характера государства по отношению к непривилегированным группам [1], [17]. «Развитие» в рамках неолиберальной парадигмы подразумевает дихотомию «развитые» vs. «развивающиеся» государства, т.е. экономическое неравенство между странами «ядра» и «периферии», которое проистекает не из несправедливого/неравного устройства современной капиталистической мир-системы, а является результатом разной степени модернизованности того или иного социума. Способ осуществления такого «развития» раскрывается с помощью другой характерной для либерализма категории, «рыночной свободы», которая тут понимается узко, как невмешательство государства в экономику. Соответственно рецептом панацеи для достижения «развитого» общества становится *laissez-faire*. Выявление связи категорий «развития» и «рыночной свободы» является чрезвычайно важным, поскольку относится к ядру доминирующей сегодня неолиберальной парадигмы [6, 44].

Таким образом целью статьи является экспликация интеллектуальной генеалогии неолиберализма в контексте эволюции категорий «развития» и «рыночной свободы» в социологии развития и модернизации.

Развитие понимается авторами «как взаимодействие экономического роста, консолидации институций демократии, участия в политике и уважения к правам человека в сочетании с равенством возможностей и общим благосостоянием. Следовательно развитие может пониматься и как основа эмансипаторских проектов, и как средство контроля: социального - внутри границ индивидуальных обществ и политических - в плоскости межгосударственной системы. Развитие больше сосредоточивается на изменениях на макроуровне: экономическом росте, развитии/перестройке государства, социальной политике. Но все эти действия не могут не отражаться на индивиде, его ценностях и стратегии построения социального действия. Соответственно, развитие и модернизация переплетаются, поскольку новая идентичность члена национального (мнимого) сообщества (микроуровень) может возникать как следствие внедрения государством соответствующей образовательной политики (макроуровень)» [5, 201].

Современное общество в социологии *arīoti* понимается как развивающееся – вне зависимости от конкретного способа и вектора этого развития [6; 28-29]. Однако, как убедительно показывает И.Валлерстайн, подобное, кажущееся нам самоочевидным, понимание общественных процессов зародилось относительно недавно [2]. До эпохи Нового Времени общественный идеал виделся диаметрально противоположно - в прошедшей эпохе, «Золотом Веке» - подобная визия объединяет античную философию со средневековым богословием. Соответственно любые социальные изменения носили негативный характер, отдаляли общество от его оптимального состояния. Подобная ультраконсервативная (хотя и не осознаваемая еще как консервативная) идеология существенно ограничивала идейное обоснование любых общественных реформ, и адекватно породила потребность в новом понимании социальных процессов.

Одним из первых ярких проявлений нового видения общества можно считать спор «старых» и «новых» во французской литературе конца XVII века, когда Шарль Перро на заседании Академии Франции в присутствии короля Людовика XIV огласил поэму «Век Людовика Великого» («Le Siècle de Louis le Grand», 1687). Поставленное в ней под сомнение величие античной эпохи, приоритет современных писателей относительно античных литературных образцов вызвало негодование в лагере «древних», для которых античное наследие было абсолютным эталоном вне времени – среди них оказались теоретик классицизма Никола Буало, поэт и драматург Жан Расин, поэт и

баснописец Жан де Лафонтен. Несомненно, что основу такого спора заложили и Реформация в поле идеологии, и последовавшее постепенное вытеснение античного наследия из естественных наук, – однако именно во Франции эпохи Нового Времени вопрос был поставлен ребром. Этому во многом способствовала ранняя централизация абсолютистского государства, и, соответственно, быстрое развитие искусства, в том числе литературы, для широкого круга просвещенной знати. Однако эта тенденция не стала локальной, наоборот, достаточно быстро была экспортирована в другие государства континентальной Европы и пересекла Ла-Манш, где оказала существенное влияние на становление английской литературы и общественных наук [6, 28], [9, 1-2].

Другой стороной этого вопроса является осознание современниками своего общества как «модерного», развитого. Сам термин впервые был использован в конце V века латинскими богословами, чтобы отделить «просвещенную» христианскую эпоху от «темного и языческого» Римского прошлого. Однако использовался термин в духе сторонников превосходства античной традиции, соответственно в дихотомии «новое-античное» декларировался примат последнего [6, 28-29].

Осознание необходимости развития общества одновременно с противопоставлением наличествующего общественного устройства прошлым закономерно приводит к необходимости выработки конкретной методологии, которая покажет наиболее эффективный путь изменения общественных отношений. При этом такая методология трактовалась в духе модерной эпохи – она должна была быть всеобщей, научной, то есть опираться на эмпирические данные, которые можно подвергнуть эмпирической проверке, и, наконец, она должна предполагать выражение в конкретных практических реформах.

Несомненно, что подобный запрос породил разнообразные пути его разрешения, в частности одним из первых в социальных науках стала социальная физика, позднее социология Конта [5, 164]. Однако наиболее перспективным в данном контексте мне видится обращение к утилитарной традиции в английской социальной философии 1700-1800 годов, поскольку именно в ее рамках зародилось симбиотическое отношение «развития» и «рыночной свободы», и соответственно оформилась идеология, ставшая позднее известной как либерализм, который в свою очередь, создал предпосылки для возникновения неолиберализма. Именно в ее рамках категория развития была вначале легитимизована, а позднее надолго монополизирована.

Начать историко-социологический экскурс в английскую утилитарную традицию стоит с английского социального теоретика Томаса Гоббса, одного из основателей теории общественного договора. Его видение общества существенно отличалось от такого сторонников позднее оформившегося либерального подхода, однако основа их общественно-политической системы была заложена именно в его работах. Основой его протосоциологической теории был достаточно новаторский тезис о том, что все люди рождаются равными и в одинаковой мере свободными, однако им присущи соперничество из-за страсти к наживе, недоверие к другим для обеспечения собственной безопасности и честолубие. Из этого проистекает естественное состояние «войны всех против всех», однако со временем инстинкт самосохранения и разумное стремление каждого человека к миру провоцируют переход к «общественному договору» – системе норм, установленной людьми для общего блага и положившей конец естественному состоянию, однако лишив людей части естественных прав. Результатом такого соглашения стало государство, абсолютный суверен, обеспечивающий соблюдение условий этого договора, а следовательно – мир и безопасность всего общества и ограниченный в своих действиях лишь Божьей волей и естественным законом. Важную роль в поведении отдельных членов общества играет мораль, понимаемая материалистически, как естественный закон, заключающейся в стремлении каждого члена общества обеспечить свою безопасность и удовлетворение потребностей. Такой моральный долг совпадает с вытекающими из общественного договора личными моральными обязанностями – эта система была позже взята на вооружение адептами (нео)либерализма. Из подобной концепции логично вытекает видение члена общества как рационального индивидуалиста, предложенное позднее Локком. Однако визия общественного управления Гоббса отлична от либеральной. В период гражданской войны он решительно осуждал антимонархистов, в области социальной политики был сторонником невозможного для свободного рынка принудительного трудоустройства и государственной борьбы с безработицей путем создания занятости на «полезных промыслах» [5, 24], хотя его взгляды далеки от классического протекционизма, так его суверен должен оказывать равную поддержку всем экономическим субъектам.. Иначе говоря, в сфере регулирования экономики Гоббса необходимо рассматривать скорее как предшественника концепции государства, способствующего развитию, нежели как либерального адепта, хотя его социологические конструкции позже легли в основу именно последнего мировоззрения.

Выдающийся современный американский социолог Рэндалл Коллинз в своей работе «Четыре социологические традиции» («Four Sociological Traditions», 1994) констатирует, что основы либерального мировоззрения были заложены позднее, в эпоху «Славной революции» 1688–1689 годов. В ее ходе не снискавший популярности ни у консерваторов-тори, ни у недавно сформировавшейся им в противовес либеральной оппозиции-вигов, король Яков II Стюарт был

свергнут. Заговорщики при помощи интервенции войск Вильгельма Оранского быстро одержали победу, работа парламента была восстановлена, а королевская власть была ограничена «Биллем о правах». Идеологом этих событий стал яркий представитель протосоциологического научного знания Джон Локк – изгнанный из Англии Яковом и возвратившийся вместе с Вильгельмом Оранским. Именно ему принадлежит наиболее полное выражение прогрессивного вектора общественного развития, заложенного в Англии в эту эпоху. Основой общественных взглядов Локка является примат рационального индивида, наделенного природными правами, над обществом, которое является лишь суммой таких индивидов. Свое мировоззрение индивид формирует только на основе чувственного опыта, ничто априорное ему не присуще. Такая логическая система, не смотря на свою слабую связь с вопросами общественного развития, несла в себе громадный потенциал. Подобный эмпиризм автоматически нивелировал культурную традицию как оправдание общественного консерватизма, формировал историю каждого следующего поколения с нуля, исходя лишь из условий его существования. Гибкие реформы в таком случае становились источником рационализации общества для блага всех индивидов, в нем живущих [4, 137-138], [15, 532].

Практическая реализация подобной визии общественного развития предполагала следующий пакт: конституционную монархию, разделение властей, верховенство закона. Функции государства сводились к только гарантии фундаментальных естественных прав: личной свободы и собственности на продукты своего труда, соответственно оптимальным является минимальное вмешательство государства в общественную жизнь – все эти тезисы стали позже ядром либеральной идеологии, заодно привнеся в нее и концепцию развития, активного изменения существующего социального порядка. У Локка это выражалось в «праве народа на восстание против тирании» - тезисе, логично следующим из признания неотъемлемых прав человека и наиболее полно развитом в «Два трактата о государственном правлении» («Two treatises of government», 1690). Фактически мы видим взятое в конкретной форме «право общества на рациональное (для Локка) саморазвитие» [4, 138], [7], [15, 534].

Куда более реалистичную позицию занял другой социальный теоретик, последователь Локка Дэвид Юм. Его индивид уже руководствуется не личной рациональностью, а привычным для него опытом. Таким образом Юм дает простое объяснение тому факту, что люди мирятся с не полезными лично для них социальными институтами. Однако решение этого вопроса сразу поставило другой, не менее важный, ответ на который Юм найти так и не смог - откуда, в таком случае, вообще происходят социальные изменения? Позиция Юма достаточно консервативна – однако не стоит считать ее реакционной. Если Локк жил в революционную эпоху и в качестве одной из основных задач видел изменение общественного строя, то для эпохи Юма куда более важным было сохранение достижений революции [4, 139], [10].

Следующей вехой формирования неолиберального понимания развития стали идеи, изложенные Бернардом де Мандевилем в его сатирических произведениях «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными» (The Grumbling Hive: Or knaves turn'd honest, 1705) и более позднем переиздании - «Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды» (The Fable of the Bees: Or private vices, publick benefits, 1714). Их суть сводилась к достаточно очевидному сейчас, хотя несомненно новаторскому для своей эпохи тезису о том, что расточительство, тщеславие и легкомысленное потребление служат развитию торговли в частности и экономики вообще. Фактически рост потребления признавался залогом прогрессивного экономического развития [4, 140-141].

Своего рода антитезисом к концепции Бернарда де Мандевиля стала куда более совершенная теория Адама Смита. В современных социологии и экономической теории его концепция обычно воспринимается достаточно узко, как своего рода «ода свободному рынку». Однако выдающийся американский социолог итальянского происхождения Джованни Арриги занял диаметрально противоположную позицию относительно наследия Адама Смита, фактически заново открыв его для социологии. По его мнению, понимание Смита как идеолога саморегулирующегося рынка, дерегуляции и приватизации является конструктом сторонников радикального неолиберализма, которые достаточно избирательно трактуют его наследие [5, 368-369].

Ключевым для понимания категории развития у Адама Смита является его видение общества как состоящего из 3-х социальных классов: живущих на ренту с земли, на зарплату и на прибыль с капитала. При этом если интересы первых двух классов по мнению автора совпадают с интересами общества в целом, то интересы капиталистов обособлены, а порою и деструктивны. Соответственно идеалом общественного развития у Смита становится не европейская «промышленная революция», а азиатская «трудолюбивая революция» в терминологии Арриги. Подобную дихотомию можно охарактеризовать таким образом: «Первая основывается на капиталоемком и энергоемком производстве, в то время как сутью второй были капиталовложения в труд людей». Такая экономическая динамика являет собою пример поступательного развития при сохранении существующих общественных форм, в отличии от капитализма, развитие которого неизбежно приводит к стремительному разрушению существующих на момент его зарождения

общественных институтов. Применение к «трудолюбивой революции» эпитета «азиатская» не случайно, сам Адам Смит в «Богатстве народов» анализирует экономику Китая, наиболее экономически развитого государства своего времени. С точки зрения Смита путь развития Поднебесной – «естественный», ориентированный на внутреннюю экономическую политику, и противопоставляется с «неестественным» европейским путем развития, основанном на экстенсивной внешней политике и неограниченном накоплении капитала. Таким образом взгляды Смита фактически были куда ближе к сторонникам парадигмы государства, способствующего развитию, нежели к позиции адептов неолиберального пути развития [5, 369-371].

Одним из наиболее известных адептов либерализма в социологии и последним из представителей классической английской социологической школы является Герберт Спенсер. Его деятельность приходится на конец XIX века и является продолжением традиции Конта. Будучи представителем органицизма, Спенсер идентифицировал общество с живым существом. Однако, в отличие от Конта, Спенсер стоял на куда более консервативных позициях, в его интерпретации любые реформы были неестественны и нецелесообразны; они могли только ухудшить положение, поскольку рост общества, как и любого другого организма, должен быть природным. Такое видение делало общественным идеалом концепцию *laissez-faire*, т.е., полного невмешательства государства в экономику [12, 54-55].

При этом органицизм Спенсера нельзя считать абсолютным: вместо достаточно логичного для этого течения социального реализма, примата общества над индивидом по аналогии примата всего организма над клеткой, Спенсер противопоставляет по этой линии биологическое и социальное. Его человек максимально атомизирован и индивидуалистичен, зато имеет право на все, что не задевает права других. Политические права гражданина существуют постольку, поскольку они помогают защищать права личные, но не служат консолидации общества. Способом выживания такого индивида является своего рода «борьба всех против всех» за ограниченные ресурсы – на Спенсера большое влияние оказывали работы Мальтуса – при этом в такой борьбе выживание сильнейшего является естественным и не должно быть предметом вмешательства государства. Подобную социально-политическую позицию Спенсера принято обозначать как «социальный дарвинизм», на позицию Спенсера действительно во многом повлияли ранние издания «Происхождения видов». Однако именно Спенсер впервые использовал афоризм «выживание сильнейшего» («*survival of the fittest*») в работе «Принципы биологии» (*The Principles of Biology*, 1864), в связи с чем Чарльз Дарвин ссылается на него в более позднем, пятом, переиздании своей знаменитой работы [12, 55].

Не менее важна для понимания Спенсеровской визии социального развития его эволюционная теория. История человечества представляется Спенсеру как движение от простых к сложным, правильнее сказать усложненным формам. Количественное увеличение общества ведет к появлению более крупных структур и дифференциации функций в их рамках. Группы не являются статичными, они сливаются, более крупные поглощают меньшие. Соответственно увеличению меняется и способ существования обществ: на смену воинственным, основанным на увеличении за счет присвоения приходят индустриальные, для которых война теряет функциональный характер и служит уже регрессором. В основе нового общественного устройства лежит рациональная кооперация, разделение труда и поощрение индивидуальных достижений, а не врожденных качеств. Такой общественный прогресс несомненно служит совершенствованию общества, не смотря на то, что принцип «выживания сильнейшего» распространяется и на эту сферу [12, 56].

Принятие тезиса о естественности и полезности общественных изменений автоматически оправдывает любые процессы, происходящие при невмешательстве государства в экономику. Это было понято современниками Спенсера в социологии, сторонниками государственного амелиоризма, который согласовывался с логикой политики Империи, что породило антиспенсеровскую реакцию. Под влиянием критики Спенсер отказался от некоторых наиболее радикальных тезисов, однако продолжал отстаивать *laissez-faire* в политике и выживание сильнейшего в обществе [12, 54-57].

После пика популярности Спенсера в 1890-х английская социологическая традиция на долгие годы, фактически до 50-х годов, пришла в упадок из-за экономических кризисов и двух мировых войн. Не смотря на основание Социологического общества в 1903 году, начиная с 1907 и до первой половины 50-х британская социологическая наука с трудом находила себе место. В этот период не начитывались академические курсы, не издавались профильные журналы, не функционировали профессиональные ассоциации, социология отсутствовала как в практической, так и в теоретической формах. Фактически оплотом социологической науки оставались лишь школы социальной работы и курс эволюционной социологии в Лондонской Школе Экономики, преподаваемый Л.Т. Хобхаусом (L.T.Hobhouse) и его ассистентом Морисом Гибсбергом (M. Ginsberg), [14, 48-49].

Таким образом, на примере представителей классической утилитарной социологической традиции прослеживается тесная связь категорий «развития» и «рыночной свободы» в социологии

в рамках либеральной парадигмы. Выбор именно утилитарной традиции не случаен: в ее рамках глубже всего анализировалось соотношение государства и экономики. Именно в этот период были заложены две противоположные виии развития в социологии, позже ставшие классическим либерализмом и его наследником сегодня – неолиберализмом, с одной стороны, и государствоцентристскими исследовательскими программами, с другой (например, концепцией государства, способствующего развитию). Разрыв между ними прошел по линии вмешательства государства в экономику и позднее стал одним из основных расколов в социологии развития и модернизации. Яркими сторонниками *laissez-faire* были Локк и Спенсер - именно в работах Локка залогом общественного развития было впервые признано невмешательство государства в экономику, Спенсер же сформулировал тот основной набор постулатов, который лежит и сейчас в основе любых либеральных конструктов. Концепция же Адама Смита, сейчас часто записываемого в лагерь сторонников свободного рынка была намного сложнее, и по своему духу приближалась скорее к осторожному выявлению тенденций с помощью «понимающей методологии» Вебера, нежели к обличительному пафосу Спенсера. Работы последнего стали квинтэссенцией всей утилитарно традиции и дали толчок развитию социологии по другую сторону Атлантики. Сейчас труды Спенсера представляют скорее историческую ценность из-за большой акцентуации последнего на органицизме, однако на тот момент они оказали огромное влияние на зарождающуюся американскую социологию, так Уильям Грэхем Самнер, первый из американских социологов, пребывал под большим влиянием работ последнего британского классика. Именно в США заложенные английскими утилитаристами идеи получили новую жизнь, став идейной основой неолиберализма - идеологии, которая в современном мире является гегемоном в сфере трактовки развития общества и формирования практически-ориентированных рецептов развития, а также экономической и социальной политики .

В дальнейшем перспективным представляется исследование рецепции идей английского утилитаризма на американской почве – как в рамках академического дискурса, так и идеологии. Тектонические трансформации, вызванные согласно удачной формулировке У. Черчилля «тридцатилетней мировой войной» (1914-1945), стали причиной перемещения экономической и военно-политической гегемонии в США. Как известно благодаря исследованиям плеяды социологов от А.Грамши и Т.Парсонса до М.Манна, идеология является важнейшим ингредиентом поддержания иных форм социальной власти. Социология развития и модернизации как автономная субдисциплина социологии возникает в послевоенный период именно в США. Сегодня, несмотря на заявления мыслителей самой разной идеологической направленности – от левых в лице И.Валлерстайна, до сторонников (нео)либерализма в лице Н.Фергюсона – о том, что гегемония в рамках современной мир-системы перемещается из США в Китай, именно дискурсивные практики связанные с американской интеллектуальной, идеологической и политической традиций, являются доминантными со всеми вытекающими последствиями для формирования социально-экономической политики на глобальном и национальном уровнях. В этом контексте необходимо определить каким образом неолиберализм эволюционировал, а также какая связь существует между идеологией неолиберализма и социологией развития / модернизации.

Література

1. Вакан Л. Нарис неоліберальної держави: ринок праці, в'язниці та соціальна незахищеність / Лоїк Вакан; [Пер. с англ. Я. Охріменко, П. Охотін, А. Петушкова] // Спільне: журнал соціальної критики. – 2010.-№1, -с. 9-17
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Иммануил Валлерстайн; [Пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева]; Центр исследований постиндустриального общества. — М.: Логос, 2003. — 368 с.
3. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы [Текст]. / Георгий Дерлугьян. - М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
4. Коллинз Р. Четыре социологических традиции /; Рэндалл Коллинз [перевод с английского Вадима Россмана]. - К. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. — 320 с. - (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
5. Кутуев П. Соціологічна теорія поміж Сходом і Заходом [Текст] / Павло Кутуев. - К. : Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2011. - 376 с.
6. Кутуев П.В. Концепції розвитку та модернізації в соціологічному дискурсі: еволюція дослідницьких програм / Павло Кутуев. - К. : Сталь, 2005. - 500 с.
7. Локк Дж. Сочинения / Джон Локк: - М.: Мысль, 1988. - В 3 т. - Т. 3. - С. 137-405.
8. Малюк А. Современная мир-система в XXI в.: новый мировой беспорядок / Андрей Малюк // Соціологічна наука і освіта в Україні . Вип. І. Концептуальні засади становлення та розвитку соціологічної науки і освіти в Україні. – К.: МАУП, 2000, 380 с. – С. 22–29.

9. Пучков. П.А. Спор «древних» и «новых» на исходе XVII века / Павел Пучков // Преподавание истории в школе. - 2006. - № 11. - С. 24–28.
10. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Дэвид Юм. - . Мн.: ООО "Попурри", 1998. - 720 с.
11. Fourcade-Gourinchas M. The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries / M. Fourcade-Gourinchas, S. L. Babb // American Journal of Sociology. – 2002. - Vol. 108, № 3. - P. 533-579.
12. Hay C. That was Then, This is Now : the revision of policy in the modernisation of the British Labour Party / C. Hay // New Political Science. – 1998. – Vol. 20, № 1. – P. 7–34.
13. Jessop B. The Changing Governance of Welfare: Recent Trends in its Primary Function, Scale, and Modes of Coordination/ Bob Jessop // Social Policy and Administration Review. – 1999. – Vol. 33, № 4. – P. 348–359.
14. Kumar. K. Sociology and the Englishness of. English Social Theory / Krishan Kymar // University of Virginia. Sociological Theory. – 2011. – Vol. 19, № 1. - P. 41–64.
15. Schwoerer L. G. Locke, Lockean Ideas, and the Glorious Revolution / Lois G. Schwoerer // Journal of the History of Ideas. – 1990. - Vol. 51, № 4. - P. 531-548.
16. Theriault S. A. John Locke and the Second Treatise on Government [Электронный ресурс] / Sawyer A. Theriault // Studentpulse. – 2009. - Vol. 1, № 10. — Режим доступа до журн. : <http://www.studentpulse.com/articles/6/john-locke-and-the-second-treatise-on-government>
17. Wacquant L. From Slavery to Mass Incarceration: Rethinking the «race question» in the US /L. Wacquant // New Left Review. – 2002. – № 13. – P. 41–60